

*Ризме, моей жене и наперснице,
Камрану и Райяану, моим маленьким сообщникам*

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	9
Пролог	10
Часть I. Специализированные психиатрические клиники	17
<i>Глава первая.</i> Немного истории	18
<i>Глава вторая.</i> Чем я занимаюсь (и чем не занимаюсь).	29
<i>Глава третья.</i> Зачем террористу психиатр?	35
<i>Глава четвертая.</i> Побит при исполнении	43
<i>Глава пятая.</i> В тихом омуте	53
<i>Глава шестая.</i> Злодей или безумец?	68
<i>Глава седьмая.</i> Мутные воды	84
<i>Глава восьмая.</i> Самый дикий разговор	94
<i>Глава девятая.</i> Крещение лавой	106
<i>Глава десятая.</i> Закрытое отделение как вещь в себе	114
<i>Глава одиннадцатая.</i> Дай мне выписать тебя!	128
<i>Глава двенадцатая.</i> Бразды правления	145
<i>Глава тринадцатая.</i> Хуже изолятора нет	155
<i>Глава четырнадцатая.</i> Червь сомнения	164
Часть II. Тюрьмы	169
<i>Глава пятнадцатая.</i> Мозгоправ за решеткой	170
<i>Глава шестнадцатая.</i> Тлеющий психоз	180
<i>Глава семнадцатая.</i> Поймай симулянта	187
<i>Глава восемнадцатая.</i> Одураченный	200
<i>Глава девятнадцатая.</i> Преднамеренные самоповреждения и сожженные мосты	208
<i>Глава двадцатая.</i> Что мешает судебному психиатру	221

Часть III. Суды	231
Глава двадцать первая. Липовые эксперты	232
Глава двадцать вторая. Психоболтология	240
Глава двадцать третья. В стороне, но не совсем	251
Глава двадцать четвертая. Убийственные намерения	263
Глава двадцать пятая. Убийца, который не может переменить пятна свои	274
Глава двадцать шестая. Мрачная реальность	284
Глава двадцать седьмая. На потеху публике	293
Глава двадцать восьмая. Как унять актера	298
Глава двадцать девятая. В тупике	308
Глава тридцатая. Мозгоправ для помятых мозгов ...	317
Глава тридцать первая. Охота на хищников	328
Эпилог	343
Благодарности	350

ОТ АВТОРА

Помимо тех случаев, которые уже стали достоянием публики, герои этой книги, в том числе пациенты и коллеги, останутся анонимными. Я преднамеренно изменил имена, некоторые демографические подробности, а иногда и дату и место наших взаимодействий, чтобы их труднее было узнать. Иногда я объединял несколько случаев в один. Все это делалось с целью сохранить конфиденциальность больных, а также проявить уважение к жертвам и членам их семей. Тем не менее суть моих историй на сто процентов правдива (и моя жена и дети существуют на самом деле!)

По-видимому, важно объяснить, *зачем* я написал эту книгу. Моя цель — распахнуть двери в специализированные психиатрические отделения, тюрьмы и суды, где я проводил психиатрическую экспертизу и помогал в реабилитации правонарушителей, страдающих психическими расстройствами. Надеюсь, мне удалось пролить свет в темные уголки, которые обычно скрывают от глаз широкой публики. Моя цель — рассказать всем о жестокой реальности, о мучениях людей особенно незащитных, духовно изувеченных и нередко непонятых. Как еще нам приподнять завесу тайны над судебной психиатрией и избавить наконец от стигматизации тех, кто оказался внутри этой системы? От всей души надеюсь, что мне удалось удержаться на тонкой грани — написать о своих пациентах со всей возможной деликатностью и при этом ничего не приукрасить.

ПРОЛОГ

Тот день был особенно ненастным. Порывы ледяного ветра подстерегали толпу полицейских в форме, солиситоров в костюмах и барристеров в париках и мантиях, стоило им выйти за порог Олд-Бейли. Я приехал заранее, без малого за два часа, и все утро провел, меряя шагами улицу перед зданием. Перечитывал свои показания, как одержимый, пытался стряхнуть ощущение холодного ужаса и прикуривал сигарету за сигаретой: мне предстояло свидетельствовать по делу об убийстве — неплохой предлог для рецидива. Какие там бабочки в животе — у меня внутри развилась крылатая упыри, которые только толстели от помпезности и величественности Олд-Бейли, от всех этих колонн, статуй, барельефов и латинских надписей.

И вот наконец я в новеньком, с иголки, kostюме вышел на кафедру для свидетелей, не обращая внимания на пот, заливавший глаза, и прочитал вслух волшебную формулу: «Со всей серьезностью, искренностью и откровенностью заявляю и утверждаю, что мои показания — правда, только правда и ничего, кроме правды». Перевел дух. И в ожидании беспощадного перекрестного допроса судьи и барристеров отхлебнул несколько глотков воды, чувствуя себя газелью у водопоя, которая, трепеща, торопится напиться и при этом следит, не подбирается ли к ней лев.

В то время я был младшим врачом и должен был согласовывать все важные решения с консультантом, который руководил нашей группой. Однако мой начальник решил, что этот случай, несомненно, станет настоящим кладезем познаний обо всех закоулках мира судебной медицины, поэтому предоставил все мне. Я подал судебный отчет —

и через несколько недель меня вызвали на заседание по делу об убийстве для дачи устных показаний. Сейчас я играю роль свидетеля-эксперта совершенно профессионально, это моя специальность, но тогда я взмок, как мышь.

Там, за кафедрой для свидетелей, я остро осознал, как важно судебному психиатру подобрать верные слова. Закон не обязывает нас выступать в суде, но наше мнение сильно влияет на судей. Если при перекрестном допросе мы даем слаbinу и нам не удастся подтвердить свои показания, это влечет за собой тяжкие последствия. Наши слова способны изменить жизнь человека на скамье подсудимых. Мы можем уберечь бессильных, незащитных, безголосых от тюрьмы до гробовой доски и наставить их на путь исцеления. Но стоит ошибиться — и мы станем орудием, при помощи которого убийство буквально сойдет преступнику с рук.

Подавляющее большинство психиатрических больных не склонны к насилию. Подавляющее большинство тех, кто совершает насильственные преступления, не страдают душевными заболеваниями. Но когда два этих мира пересекаются, это может привести к катастрофе. В том случае, который тогда рассматривался в Олд-Бейли, способная школьница, раньше отличавшаяся примерным поведением и никогда не совершавшая ничего антиобщественного, в приступе психоза убила маленького ребенка, навсегда разрушив жизнь целой семьи. Те, кому поручают диагностировать, лечить и реабилитировать пациентов, чьи симптомы вызывают насильственные действия, — это те, кому поручают предупреждать насилие в будущем и защищать общество от опасности. И я один из них.

Моя работа состоит в том, чтобы обследовать, в том числе и с точки зрения оценки риска, лечить и реабилитировать тех, кого мы, специалисты, называем психически больными правонарушителями, а желтая пресса — обезумевшими злодеями. Мои клиенты — это обычно люди, которые нападают на ближних, грабят, избивают, поджигают, насилуют. Некоторые убивают. Часто ими движет паранойя и мания величия. Кто-то слышит голоса, которые приказывают совершать все эти зверства. У большинства есть

сопутствующие заболевания и прочие обстоятельства, в том числе, скажем, алкоголизм, наркомания или тяжелые стойкие пороки — бессердечность, аморальность, отсутствие эмпатии. Это приводит к тому, что они постоянно оскорбляют окружающих, нападают на них, лгут, манипулируют и обращаются с ближними черство и безразлично. В совокупности все эти черты называются «расстройство личности». Судебная медицина — это еще и мир сострадания. Мои пациенты — едва ли не самые искалеченные и незащитные люди, которые когда-то и сами были жертвами. В детстве они не раз и не два сталкивались с самыми уродливыми проявлениями насилия. К тому же они подвержены двойной стигматизации — и за душевные болезни, и за преступления. Мы, судебные психиатры, должны сначала выявить таких людей, а затем взять на себя ответственность за их лечение в тюремной психиатрической клинике, мы досконально анализируем их жизнь и пытаемся понять, какие же обстоятельства стали причиной для совершенных преступлений, и таким образом оцениваем факторы риска. Мы устраним все, что можно устранить, и на это уходят годы, а иногда и десятилетия. Мы стремимся дать своим пациентам все возможности вернуться в общество, которое в лучшем случае старается их не замечать, а в худшем мечтает запереть их под замок и выбросить ключ.

Ее звали Ясмин Хан. Она убила своего двухлетнего племянника — задушила подушкой. И была убеждена, что изгоняет из него демонов и он оживет. Это был один из первых моих судебных процессов, и именно по делу Ясмин я впервые оказался в Олд-Бейли. В дальнейшем я провел сотни экспертиз и лечил множество психически больных правонарушителей. Когда наблюдаешь самые разные преступления и вникаешь в самые разные кровавые подробности, легко привыкнуть. Но некоторые случаи навсегда отпечатались в моей памяти. Иногда насилие особенно потрясает своей бессердечностью. Иногда жертва особенно беспомощна или невинна. Иногда и насильник таков. Иногда диагноз неоднозначен или его трудно поставить. В случае Ясмин совпало все вышеперечисленное.

У судебных психиатров четыре естественных ареала обитания, и мы обычно работаем одновременно в одном-двух, не больше. Чаще всего нас можно найти в специализированных психиатрических клиниках — за массивными, антивандальными, как на секретных предприятиях, магнитными дверями, которые открываются по отпечатку пальца, и в окружении высоких заборов из проволочной сетки. Эти больницы отведены для клиентов из группы наивысшего риска, и безопасность там ставится на первое место, а все сотрудники постоянно настороже, поскольку всегда возможны и агрессия, и нездоровое возбуждение. Некоторые из нас — таких немного — работают в государственных центрах охраны психического здоровья, где наблюдают пациентов уже после выписки из тюремных больниц и помогают им вернуться в общество. При этом мы единственные среди психиатров и вообще среди врачей обязаны еще и обеспечивать безопасность окружения наших больных — их друзей, родных, случайных встречных. Потенциальных жертв.

Другой ареал обитания судебного психиатра — нутро всевозможных тюрем по всей стране, где нередко слышатся и леденящие душу вопли, и нецензурная брань и где душевные недуги цветут пышным цветом. Здесь мы обычно входим в состав бригады психиатрической помощи и, как правило, работаем в психиатрических отделениях тюремных больниц. Там нашими пациентами становятся несчастные, которых терзают психозы, когда им требуется самое тщательное лечение и наблюдение.

Еще мы участвуем в уголовных процессах — и в составе группы выявления и сортировки, и в качестве независимых экспертов. Здесь наша задача — обследовать перед *tête-à-tête* с судьей всех подсудимых, явившихся в суд когда и откуда угодно: из полицейских участков (если их арестовали), из дома (если они отпущены под залог), из тюрьмы (если они возвращены под стражу). Мы выявляем тех, кто страдает тяжелыми душевными расстройствами, а также тех, у кого есть другие обстоятельства вроде алкоголизма или наркомании либо расстройства обучения, и направляем их в соответствующие медицинские или социальные службы.

В тех редких случаях, когда подсудимые очевидно больны и тяжесть их состояния такова, что их нельзя отпускать в общество, мы помещаем их в специализированные психиатрические клиники на принудительное лечение.

Некоторые судебные психиатры исполняют также обязанности свидетелей-экспертов. В основном это частная деятельность, не связанная со всем вышеперечисленным. Наша роль свидетелей-экспертов — консультировать уголовный суд по самым разным медико-юридическим вопросам, от того, может ли психическое состояние подсудимого полностью снять с него уголовную ответственность (если человека признают невменяемым, уголовное дело прекращается), до того, можно ли переквалифицировать предумышленное убийство в непредумышленное (то есть признать человека ограниченно вменяемым). Мы определяем, кто подлежит срочной принудительной госпитализации в специализированные психиатрические клиники, где содержится большинство опасных психически больных правонарушителей, с учетом того, что количество мест в таких клиниках ограничено, а процесс реабилитации всесторонний, трудоемкий и длительный. Все эти медико-юридические вопросы, как и многие другие, предстояло решить и в случае Ясмин, дело которой было особенно сложным и тяжелым.

В тот день в Олд-Бейли барристер со стороны обвинения возражала против моих рекомендаций — и против моих доводов как психиатра в защиту подсудимой, и против возможной переквалификации дела (то есть перевода Ясмин из тюрьмы в больницу). Она настаивала на пожизненном тюремном заключении, но не потому, что ее интересовали тонкости закона о психическом здоровье или она сомневалась в верности поставленного Ясмин диагноза, и правда неоднозначного. Нет, она оспаривала мою способность давать экспертные показания как таковую и настойчиво повторяла, что у меня ограниченный опыт. Если слух меня не обманывал, она с особым упором произносила слово «младший» в словосочетании «младший врач» и продолжала именовать меня этим титулом, хотя о моей должности уже давно упомянули. Она агрессивно пыталась сбить ме-

ня с толку, намеренно делая из моих слов незначительные поверхностные выводы так, чтобы показалось, будто я сам себе противоречу. Но такова была ее работа. Я это знал. Как говорил когда-то Крестный отец, «ничего личного, только бизнес». У меня было преимущество — я несколько месяцев обследовал Ясмин и основательно познакомился с ее делом. Со стороны барристера было разумно сразу вцепиться мне в горло и попытаться дискредитировать. Я твердо стоял на своем. Барристер продолжала задавать мне заковыристые наводящие вопросы. Я отвечал на них логично и беспристрастно. Она делала нелогичные выводы. Я их парировал, как учили в университете. Наша дискуссия была затянутой, циклической, пассивно-агрессивной, формальной и сугубо интеллектуальной. За ней наблюдал судья с непроницаемым каменным лицом. Наверное, как его учили в университете. И тут, пока я стоял за кафедрой свидетеля, меня осенило: мало того, что первоначальное волнение как рукой сняло, я еще и получал от происходящего извращенное удовольствие. От своего костюма, от мантий и париков, от ненужной латыни, от пышности всей обстановки. И к тому же я побеждал в споре. Помню Ясмин как сейчас. Мышиное личико, косички, растерянно поднятые брови. Странная пустая улыбка. Ее случай остается одним из самых душевраздирающих в моей карьере и одним из самых тяжелых эмоциональных переживаний за всю мою жизнь. У меня осталось так много вопросов. В то время мы с женой планировали в ближайший год-два обзавестись детьми. Неужели такую драгоценность, на создание которой нужно столько времени, и правда можно уничтожить в одно мгновение? Сможет ли Ясмин когда-нибудь примириться с тем, что сделала — потом, когда туман психоза развеется? Смогут ли родные когда-нибудь простить ее? Сможет ли она заново выстроить свою жизнь? Я знал, что, если хочу получить ответы на все эти вопросы, мне придется и дальше работать в той узкой области, куда я только-только заглянул одним глазком, стать в ней профессионалом. Однако для меня как для младшего доктора это разбирательство было великолепной возможностью узнать много нового, и я бла-